

Армия перешла на левый берег Кубани.

6.8. За Кубанью

Добровольческая армия, не останавливаясь, растянувшись в колонну, шла глубокой ночью к станице Некрасовской. В полной темноте тут и там до самого горизонта горели яркие огни. Это полыхали подожжённые казаками хутора иногородних. Десятилетиями копившиеся противоречия, до предела обострившиеся с началом дележа войсковых земель, оборачивались теперь новой трагедией.

По свидетельству очевидцев, настроение в колонне было подавленное²⁹⁷. Казаки оказали добровольцам плохую службу. Лишили их нормального ночлега. Между тем люди, до крайности утомлённые 50-километровым маршем и затяжным тяжёлым боем, не могли больше продолжать движение. Одна за другой части устраивались на ночлег рядом с очередным пепелищем или прямо во дворах сожжённых домов. Высланные вперёд разъезды пытались спасти для квартирьеров хоть часть строений. Иным это удавалось. Повезло и 1-й батарее. Вместе с Юнкерским батальоном артиллеристы отдыхали два часа на уцелевших наполовину Султанских хуторах.

Основные силы всё же продвигались постепенно к Некрасовской, до которой от реки было не более 8-10 километров. Переправившись через Кубань, части сразу вытянулись в колонну. Поэтому в голове её шёл обоз, а в затылок ему Офицер-

боевого духа явно не способствовал. К тому же, по свидетельству Левитова, в скоротечном бою был захвачен раненым командир 6-й роты Н.Н. Ровенский, которого наутро повесили в Усть-Лабинской. Роту на следующий день принял капитан Петров. Справедливости ради, следует отметить, что и Корнилов, зачастую, не останавливался перед репрессиями.

²⁹⁷ Особенно возмущало то, что казаки, поспешив свести счёты с иногородними, вовсе не торопились присоединиться к добровольцам. В станице Некрасовской записались в Армию лишь единицы. И то, что после ухода добровольцев она не была сожжена в отместку дотла, объясняется лишь значительным количеством казаков-фронтовиков в составе Красной гвардии.

После подобных «эпизодов» примирить казаков с иногородними было весьма затруднительно, если вообще возможно, что и обусловило, в конечном итоге, последующие события.

ский полк. Не доходя до станицы, колонна стала. По цепи передали сообщение, что Некрасовская занята Красной гвардией. Роты обошли стороной остановившиеся «главные силы», развернулись и пошли вперёд.

Решено было не штурмовать станицу в лоб, а обойти оборонительные позиции её защитников с фланга и ворваться на восточную окраину. Манёвр, однако, осуществить в полной мере не удалось. Отойдя в сторону от дороги, добровольцы вскоре попали на пересечённую местность и в темноте сбились с направления. Удивляться не приходится, люди валились с ног от усталости. Всё же, преодолев холмы, густо поросшие кустарником, роты вышли, наконец, на пологий участок и в темноте едва ли не вплотную столкнулись с красногвардейцами. Вспыхнувшая было стрельба тут же и смолкла, противник отступил, растворившись в ночи. Лишь перед рассветом роты Офицерского полка вышли к окраине Некрасовской, были обстреляны и залегли²⁹⁸.

Добровольцы находились в таком состоянии, что командиры вместо немедленной атаки посчитали нужным их остановить. И тут от переправы подошли два батальона Корниловского полка. Чётко, как на параде, развернулись в цепь и не обращая внимания на обстрел, сопровождаемые военным маршем полкового оркестра пошли вперёд. За ними поднялись и «марковцы». Какое-то время защитники Некрасовской продолжали вести ружейно-пулемётный огонь, но вскоре не выдержали нервного напряжения, покинули наспех вырытые окопы и густыми толпами побежали к станице. На рассвете 7(20) марта Некрасовская была занята целиком, и приткнувшиеся на ночь вдоль дороги части Добровольческой армии стали подтягиваться в станицу. Некрасовская растянулась вдоль правого берега Лабы на многие километры, сонные квартирьеры не без труда разводили подразделения на определённые для них участки. Заняв хаты, люди засыпали, едва расстелив на полу шинели.

Весь день 7(20) марта был отведён Армии для отдыха. Впрочем, воспользоваться им смогли далеко не все. Переправивши-

²⁹⁸ К этому времени большевики оставили западную часть станицы, и обоз вошёл в неё беспрепятственно.

еся на левый берег Лабы красногвардейцы начали постреливать через реку. В перестрелку с ними вступил стоявший в охране вдоль берега Юнкерский батальон. Пули щёлкали по крышам домов. Поскольку район квартирования 1-й батареи оказался у самого берега, подполковнику Миончинскому было приказано выделить одно орудие для обстрела левого берега. Впрочем, он и сам успел принять меры. Для выяснения обстановки на соседние улицы были высланы разведчики из пешего взвода, а по направлению стрельбы выдвинулись батарейные пулемётчики. 1-е орудие штабс-капитана Шперлинга стало на позицию в нескольких шагах от хаты, прямо в огороде и открыло ответный огонь. Корректировщики наблюдали за разрывами с крыши, а когда стрельба утихала, отогревались в хате.

Днём выяснилось, что у большевиков есть и артиллерия. Снаряды начали ложиться один за другим непосредственно в станице. Больше всего их разорвалось на площади у церкви, что свидетельствовало о выучке советских артиллеристов и их стремлении накрыть штаб. Был получен новый приказ: во что бы то ни стало подавить орудие противника. Каковой и был выполнен незамедлительно. Шперлингу удалось по вспышкам обнаружить позицию артиллерийского взвода и несколькими выстрелами заставить его замолчать.

Роты Офицерского полка были отведены на восточную и южную окраины. Отступившие от Некрасовской большевики в течение дня пытались приблизиться к станице. Но, обнаружив перед собой офицерские цепи, не принимая боя, отходили. Лишь к вечеру Офицерский полк, выставив на угрожаемых направлениях заставы, был отведён на отдых.

И, не прекращая, била артиллерия у Усть-Лабинской. 2-й батальон Корниловского полка не позволял «сорокинцам» переправиться через Кубань.

«Наша горячая надежда – отдохнуть за Кубанью и привести себя в порядок, – не оправдалась, – пишет Богаевский. – Наоборот, мы попали в сплошное осиное гнездо большевизма. Каждый хутор, отдельный дом, роща – встречали нас градом пуль. Занимаемые селения оказывались почти пустыми, но в них не

было нам ни минуты покоя. Везде свистели пули, смертельная опасность была на каждом шагу.

Кольцо, сжимавшее измученную Армию, охватывало её всё плотнее и нужны были отчаянные усилия, чтобы прорывать его и двигаться дальше».

В эти первые два-три дня большевики за Кубанью, конечно же, не располагали пока ещё силами, способными раздавить добровольцев. В каждой почти станице были организованы отряды Красной гвардии в несколько сот, а зачастую и тысяч, человек²⁹⁹. Но численное превосходство сводилось на нет отсутствием объединённого командования и хоть какой-либо координации действий. Да и отряды не были ещё крепко сколочены, не получили боевого опыта ожесточённых столкновений. При первом же серьёзном нажиме они легко отступали, а иногда и рассеивались.

И всё же непрерывное их присутствие в непосредственной близости, а зачастую, и в зоне видимости и бесконечные стычки тяготили Армию. Держали добровольцев в постоянном напряжении, не давали возможности восстановить уходящие силы. Да и потери, пусть и небольшие, становились невосполнимыми и всё увеличивали и без того непомерно разросшийся обоз.

Ещё днём Корнилов провёл очередное совещание, на котором было решено в ночь с 7(20) на 8(21) марта перейти через Лабу и двигаться к югу. Отступить было уже невозможно. Все надежды связывались с Кубанским отрядом, который, правда, необходимо было ещё отыскать³⁰⁰. Станичный мост был выве-

²⁹⁹ В который раз добровольцы могли наблюдать безучастное отношение к происходящему казаков. Многолюдная казачья станица Некрасовская никоим образом не противодействовала приходу красногвардейского отряда, так называемой «Еленовской роты» (из соседнего села Еленовка). Центром же формирования Красной гвардии в этом районе было село Филипповское.

³⁰⁰ По агентурным данным и из подобранных газет было известно, что советское военное командование ожидает Армию в Майкопе, куда подтягивались войска, свозились боеприпасы и вооружение. «Решено было, – пишет Деникин, – поддержать большевиков в этом убеждении, двигаясь на юг; затем, перейдя реку Белую, круто повернуть на запад. Это движение выводило нас в район черкесских аулов, дружественных Армии, давало возможность соединения с Кубанским добровольческим отрядом, отошедшим по слухам в направлении Горячего Ключа, и не отвлекало от главной цели – Екатеринодара».

ден из строя. Юнкерскому батальону предписывалось форсировать реку у западной окраины станицы, Партизанскому полку – у восточной. Условились, что переправляться будут одновременно, ровно в полночь.

И тут неудача постигла Богаевского. Подготовить переправу, собрать лодки, сделать плоты, уточнить место он поручил есаулу Р.Е. Лазареву. И успокоенный его бодрим ответом, что «это дело знакомое», сам после бессонной ночи прилёг отдохнуть. Когда же около полуночи вышел к условленному месту у реки, никого там не обнаружил. Прождав какое-то время, Богаевский отправил к Лазареву посыльного офицера, который вскоре прибыл и доложил, что есаул мертвецки пьян и спит, как спит и вся 2-я сотня. Богаевский тут же направился к Лазареву сам, разбудил его и устроил разнос. До рассвета оставалось ещё около трёх часов. Богаевский, надеясь ещё исправить положение, взял дело в свои руки. Лодок на берегу не обнаружили. Через час сколотили плот – закреплённые на бочках доски. Но едва он отплыл, как тут же развалился. Шестеро казаков вернулись на берег вплавь. Начинало светать, и в этих условиях переправляться, не имея подручных средств, под неизбежным огнём противника было невозможно. Ночная переправа Партизанского полка сорвалась.

Между тем Юнкерский батальон со своей задачей справился. Удачно было выбрано место переправы, где ширина реки не превышала 20-25 шагов. В начале второго ночи два взвода юнкеров³⁰¹ без единого выстрела по грудь в воде преодолели Лабу и залегли на её левом берегу. С рассветом они были обнаружены патрулем красногвардейцев. Взводы атаковали противника и отбросили его к ближайшим хуторам. Когда в цепи развернулись главные силы советского отряда, их встретил уже весь Юнкерский батальон. Юнкера заняли два хутора и отбили атаку во фланг из третьего. На помощь к ним пришёл к этому времени и конный дивизион.

Ещё до этого Богаевский доложил Романовскому о проис-

³⁰¹ Один взвод целиком состоял из новоиспечённых в Ольгинской прапорщиков, другой – из «походных» («полевых») юнкеров, которых Боровский за глаза ласково называл «малышами».

шедшем и просил разрешения Корнилова на переправу Партизанского полка во избежание потерь в затылок Юнкерскому батальону. Предложение было весьма здравым, Корнилов не возражал³⁰². Полк давно уже был поднят. По поставленным поперёк реки телегам «партизаны» переправились на другой берег и уже засветло также перешли в наступление.

Одновременно с ними, сняв заставы, на лодках и подручных средствах переправился в полном составе и Офицерский полк. Вначале части наступали по расходящимся направлениям, расширяя плацдарм. Постепенно «марковцы» с Юнкерским батальоном брали южнее и вскоре завязали бой за Филипповские хутора. Эта была территория, заселённая сплошь иногородними, прибывшими из центральной России. Все они ушли с большевиками. Хутора из нескольких построек с подворьями были разбросаны тут и там, и каждый приходилось брать с боя. Роты Офицерского полка действовали самостоятельно. Направление выбирали сами командиры.

В одном из хуторов 4-я рота захватила два брошенных орудия и грузовик со снарядами. Подъехал Марков и приказал снаряды раздать в батареи, а орудия и автомобиль испортить. Не до конца обдуманым его приказ мог показаться лишь с первого взгляда. Подготовленных, выученных для несения тяжёлой артиллерийской службы лошадей *лишних* не было. Не хватало и не лишних. Но, главное, не было снарядов, и крохотная армия

³⁰² Нетрудно заметить, что отношение Корнилова к Богаевскому было более чем благожелательным. И если неисполнительность строевых командиров вызывала немедленное порицание и даже публичный выговор, то на проступки донцов он смотрел, зачастую, сквозь пальцы. Эльснер, Гершельман, офицеры штаба, даже и Марков в бытность его начальником штаба в Ростове, то и дело вынуждены были выслушивать весьма резкие замечания. С Богаевским Корнилов неизменно оставался корректным и почтительным. Всё это объяснимо. В почти безнадежной ситуации Командующий не терял надежду на то, что Дон ещё поднимется против большевиков, и не желал «из-за недоразумений» хоть в малой степени портить отношения. И в конечном итоге, Корнилов оказался прав. Другое дело, что увидеть это ему самому было не суждено...

Удивительно, но в то же время с ухудшением обстановки отношения с Алексеевым у Корнилова также ухудшались. После нелепого случая, когда квартиреры двух генералов в сумятице не поделили хату для постоя, они вообще перестали разговаривать друг с другом.

не могла себе позволить таскать за собой громоздкие, не способствующие достижению цели в бою, а напротив, отвлекающие немалые силы, орудия³⁰³. Что касается грузовика, то с ним дело обстояло ещё проще. Во всей армии не было ни литра горючего, а отступающие красногвардейцы успели слить его из бака. Тем не менее, командир роты ротмистр Дударев не выполнил приказание командира полка. По настоянию добровольца, бывшего лейтенанта флота, надеявшегося обнаружить на хуторах хотя бы керосин, автомобиль потащили за ротой впряжённые в него волы. За руль же сел сам лейтенант. Горючего в итоге так и не нашли, и грузовик пришлось сжечь.

Партизанский полк, взявший правее, прикрывал тыл и фланг общего наступления и на этот раз действовал успешно. Есаул Лазарев, чувствуя за собой вину, действовал смело и решительно. Во многом благодаря его 2-й сотне уже к полудню задача, поставленная Богаевскому Корниловым, была решена.

От Кубани отошёл 2-й батальон «корниловцев», соединился с полком и стал заслоном перед Некрасовской. Переправа к этому времени шла полным ходом. Попытка Чехословацкого батальона отремонтировать мост ни к чему не привела, разрушен он был большевиками основательно. Соорудили понтон. Он качался на быстрой воде, но держал. Рядом были оборудованы съезды к бродам для конных и обоза. Переправа затянулась на целый день. Лишь к вечеру на левом берегу оказались Корниловский полк и лазарет. Уже в темноте переправлялись обоз и артиллерия по наведённому понтону. Орудия на руках спускались к реке. Отстегнув постромки, номера перетаскивали их на руках. Запряжки же и конные разведчики переходили Лабу вброд. Разводить костры было запрещено. Лишь один мерцал на том берегу, указывая направление. Последним переправилась сотня «партизан» и 2-я батарея, стоявшие заслоном против возможного движения большевиков от Усть-Лабинской, где они поспешно восстанавливали подорванный «корниловцами» мост через Кубань.

³⁰³ Возможно, окажись рядом Миончинский, он бы сумел отстоять орудия. Впрочем, авторитет Маркова был непререкаемым, да и принимаемые им решения неизменно отличались практичностью и здравым смыслом.

На том берегу части и обоз выстраивались в колонну. В ожидании пехоты артиллеристы 1-й батареи зашли погреться в случившийся чуть в стороне от дороги сарай. К всеобщему ликованию в нём они обнаружили развешенный для просушки листовой табак, который тут же и перенесли в передки.

Подошла, наконец, пехотная часть и колонна двинулась на юг. И вновь её сопровождало море огня. Едва обозначился успех Добровольческой армии и отступление большевиков, запылали хутора иногородних и на левом берегу Лабы. Марухинские, Ново-Севастопольские, частично Султановские. В ночи горизонт вновь осветился заревом пожаров.

Корниловский и Офицерский полки стали на ночлег в Киселёвских хуторах. Юнкерский батальон, часть Офицерского полка и 1-я батарея расположились в уцелевших неведомо как 7-8 хатёнках хутора Султановского. Остальные части – в таких же хуторках, разбросанных по степи неподалёку.

Ночь на 9(22) марта прошла спокойно. Люди наконец-то смогли отдохнуть и хоть частично восстановить растроченные в непрерывных боях и переходах силы. Едва рассвело, Армия стала продвигаться к югу. Впереди в авангарде наступал Корниловский полк, отбивший уже в 7 часов атаку красногвардейцев и сразу же ушедший далеко вперёд. За ним – Партизанский, а в главных силах Офицерский, прикрывавший колонну с фланга.

Армия шла, а вокруг равнина была застроена небольшими хуторами. Все они были пусты, но за каждым мог находиться враг, который, видя бедственное положение окружённых со всех сторон добровольцев, действовал на этот раз весьма активно. Накопившись за построиками, красногвардейцы раз за разом то тут, то там пытались атаковать. Пересечённая местность с частыми рощицами способствовали их намерениям. Тут же офицерские роты разворачивались в цепи и выдвигались навстречу. Противник не выдерживал, отходил, чтобы снова собраться с силами за следующими хуторами. В результате стрелецкие пехотные части разошлись от «основных сил» по разным направлениям. О флангах никто не беспокоился, да это было и невозможно.

1-ю батарею направлял лично Марков. Она выезжала то на один фланг полка, то на другой, поддерживая поочередно роты Офицерского полка и стреляя в разные стороны. Орудия становились на позицию непосредственно за атакующими цепями. Были моменты, когда батарея оказывалась под угрозой флангового охвата. Тогда навстречу просачивающимся группам красногвардейцев выдвигались пеший взвод, пулемётчики, лишние номера и телефонисты. Эта доморощенная пехота разворачивала свою цепь и с неизменным успехом отгоняла противника и восстанавливала положение. Подобный случай произошёл и в момент поддержки батареей Юнкерского батальона. Но в этот раз красногвардейцы не только обошли юнкеров с фланга, но и зашли в тыл. Отбивший их пеший взвод спас от удара в спину не только батарею, но и сам батальон.

Генерал Марков был направлен Корниловым в обоз, остававшийся к тому времени без прикрытия. Он сразу же сформировал из легкораненых офицеров группы, готовые в любой момент выдвинуться навстречу противнику и сократил глубину колонны, уменьшив, насколько это было возможно, потери от обстрела.

К полудню ситуация несколько прояснилась. «Корниловцы» шли впереди. Офицерский полк и Юнкерский батальон прикрывали обоз с флангов. Партизанский полк и чехословаки находились в арьергарде, готовые отразить возможные атаки советского отряда, переправившегося вслед за Армией у Некрасовской. Едва бой начал стихать, части тут же установили между собой локтевую связь.

Фланговые атаки большевиков на всех направлениях были отбиты с большими для них потерями. Противник отошёл и приблизиться к колонне более не пытался. Это позволило Корнилову перегруппировать части и сосредоточить усилия на наступлении, конечной целью которого был захват села Филипповского и переправы через реку Белую. Корниловский полк, которому был придан и конный дивизион, совершая обходное движение, взял левее и вновь оторвался от главных сил. Остальные два полка с артиллерией продвигались вдоль дороги. Партизанский полк слева от неё, «марковцы» – справа.

Офицерский полк выстроил боевой порядок в две линии. В первой наступали две роты 1-я и 3-я, во второй – 2-я. 4-я рота вновь была выделена в резерв. Перед Филипповским на взгорке красногвардейцы успели вырыть окопы и изготавиться. Едва добровольцы показались в зоне видимости, по ним был открыт огонь. Роты не останавливаясь, спустились в ложину, преодолели её под обстрелом и, ускоряя шаг, стали подниматься на гребень. Большевики были сбиты. Не приняв боя, они частично укрылись в Княжеском лесу³⁰⁴, а в большинстве стали отходить к переправе³⁰⁵.

На участке же Партизанского полка красногвардейцы оказали куда более серьёзное сопротивление. В помощь Богаевскому была выделена 4-я рота. Она взяла резко вправо, пересекла дорогу и стала заходить противнику во фланг и тыл, что решило исход боя и здесь.

К этому времени Корниловский полк продвинулся уже далеко южнее и повернул к реке уже за Филипповским. В 14 часов конный дивизион ворвался в селение Царский Дар. К 17 часам «корниловцы» почти без сопротивления заняли и Филипповское³⁰⁶. Через два часа в село для ночлега стянулся весь полк. Жители, сплошь иногородние, ушли за реку вместе с красногвардейцами. На площади, перед правлением, были сложены штабелями ящики с винтовочными патронами. Тут же добровольцы 3-й роты обнаружили брошенные запасы спиртного, которые и распределили между собой. Однако командир штабс-капитан Р.Ф. Пух, построив роту, заявил, что обстановка требует постоянной готовности к бою каждого, да и ночь обещает быть тревожной. Дисциплина в «корниловских» подразделениях за-

³⁰⁴ Лесной массив вдоль обоих берегов реки Белой севернее Филипповского.

³⁰⁵ Не в последнюю очередь из-за обходного движения Корниловского полка. В разгар боя красногвардейцы вдруг услышали громовое «Ура!» у себя в тылу и поспешили очистить окопы. В них «марковцы» обнаружили провиант и свежую воду и поневоле задержались на несколько минут, чтобы утолить голод и жажду.

³⁰⁶ В годы Советской власти сёла были переименованы. Царский Дар в 1918 г. стал селом Великим, а Филипповское несколько лет спустя – Вечным. В наши дни сёла слились в одно, которое стало называться Великовечным.

ведена была железная. Бутылки с водкой тут же были извлечены из карманов и разбиты о приклады трёхлинеек.

Уже в сумерках пропустив в село обоз, выставив охранения, Офицерский полк вместе с Юнкерским батальоном стал на ночлег в многочисленных хуторах севернее, обеспечивая Армию от возможной активности отброшенного днём противника. Жители и здесь покинули свои дома. Оставались кое-где лишь женщины и дети, которые смотрели на добровольцев с ужасом. Те торопились поесть и тут же засыпали.

1-я батарея получила приказ проследовать на сборный пункт на Филипповском тракте и оттуда идти ночевать в Царский Дар.

В сравнении с достигнутым результатом потери добровольцев за этот день казались ничтожными. Офицерский полк недосчитался 50-ти человек³⁰⁷, в Корниловском выбыло из строя 11 бойцов. Однако в условиях полного окружения и с каждым днём менявшегося не в пользу добровольцев соотношения сил и средств, потери, как бы малы они ни были, медленно, но верно сокращали численность и подтачивали боеспособность Армии.

6.9. Бой у Филипповского. Аулы

Боевые действия у села Филипповского, развернувшиеся одновременно, как на правом, так и на левом берегу реки Белой, заслуживают особого внимания. Дело не в том, что это было, пожалуй, наиболее масштабное и ожесточённое боестолкновение, выдержанное Армией. И не в том, что на этот раз большевики проявили невиданное упорство³⁰⁸... В бою у Филипповского в первый раз за весь поход Добровольческая армия оказалась на грани поражения и на волосок от гибели.

³⁰⁷ Из них больше половины потеряла вторая рота: 6 убитых и 20 раненых.

³⁰⁸ Ещё в конце января руководимый К.М. Ищенко ВРК села Филипповского объединил отряды Красной гвардии близлежащих сёл и станицы Рязанской. Появилась так называемая «Филипповская армия» (командир М.Ф. Толкачёв). 22 февраля (7 марта) в Филипповском состоялось Чрезвычайное заседание «Районного армейского военно-революционного совета», на котором едва ли не основное внимание было уделено укреплению дисциплины в многочисленных красновардейских отрядах.